

ОЛЕГ НЕСТЕРОВ*

ПРОБЛЕМА СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ В КАПИТАЛИЗМЕ ПЛАТФОРМ**

НОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ — ОПЛАЧИВАЕМЫЙ ДОСУГ
ИЛИ НАДЖИНГ-ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

Получено: 19.07.2022. Рецензировано: 23.08.2022. Принято: 02.11.2022.

Аннотация: В современном мире происходят кардинальные изменения формы и специфики труда: автоматизация, цифровизация, прекаризация, переход на дистанционные формы работы и др. Особый интерес вызывает перспектива так называемого посттрудового общества, в котором трудовое участие индивида будет значительно сокращено. В статье автор обращается к концепциям позднего цифрового капитализма и отмечает, что в них основную долю рынка занимают цифровые компании-платформы, использующие цифровую активность пользователей как источник дополнительного дохода, с целью анализа социальных характеристик цифровой занятости, представляющей, с одной стороны, времяпрепровождение в сети, которое сегодня называется цифровым досугом, а с другой — деятельность, направленную на заработок, что создает терминологические трудности и смысловую путаницу в дискурсе о посттрудоном обществе. В результате проведенного анализа автор определяет такую деятельность как оплачиваемый досуг или наджинг-принудительный досуг по форме эксплуатации. Автор показывает, что оплачиваемый досуг, приобретая экономические основания, может стать основным видом деятельности, апроприрующим свободное время индивида. В статье рассматриваются возможные социальные риски распространения практики оплачиваемого досуга. Автор анализирует возможные причины, которые способны повлиять именно на такое предпочтение индивидов в выборе деятельности для заполнения свободного времени, и находит их в социально-экономическом неравенстве посттрудового общества, обусловленном его функционированием и организацией, идеологией и культурой. В результате автор приходит к выводу, что навязывание оплачиваемого цифрового досуга (наджинг) со временем приведет к тому, что сам досуг, как форма занятости, станет полноценным цифровым трудом. В таких условиях человек все больше утрачивает свободу, вовлекаясь в новые формы зависимости, что приводит к возникновению нового вида трудового и экономического рабства.

Ключевые слова: посттрудоное общество, капитализм платформ, цифровой капитализм, свободное время, цифровой труд, оплачиваемый досуг.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-1-165-179.

*Нестеров Олег Георгиевич, аспирант; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), oleg-nesterov_1996@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0054-1010.

**© Нестеров, О. Г. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

ВВЕДЕНИЕ. СОЦИАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ
В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ФЕНОМЕНА СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ
В ПОЗДНЕМ ЦИФРОВОМ КАПИТАЛИЗМЕ

В позднем цифровом капитализме, который также называют капитализмом платформ, капитализмом больших данных, надзорным капитализмом, коммуникативным капитализмом и др., есть ряд вопросов; один из главных и широко обсуждаемых в научном сообществе — это проблема реализации свободного времени индивидов в условиях трансформации трудовой сферы и перспективы посттрудового общества (Срничек и Уильямс, Охотин, 2019).

В обсуждении этого вопроса можно выделить ряд социально-теоретических дискурсов — как минимум четыре группы теорий: свободное время как возможность; свободное время как бремя; свободное время как цифровой труд; свободное время как цифровая активность. Представители первого дискурса (Горц, Джохадзе, Сидорина, Агамбен, Срничек, Уильямс и др.) следуют марксистской традиции, рассматривая посттрудовое общество как своеобразный сплав капиталистической организации необходимого труда с коммунистическим идеалом использования свободного времени, заполняемого хобби, творчеством, и т. д.; теоретики второго дискурса (Юнгер, Маяцкий, Сафронов и др.) отличаются умеренным пессимизмом: они полагают, что индивид попросту не знает, чем себя занять, и поэтому он будет проводить время праздно или акратически; представители третьей группы (Хьюз, Зубофф, Афанасов) считают, что говорить об увеличении свободного времени и вовсе не приходится, поскольку труд, претерпевая известные трансформации, не исчезает, а становится цифровым, таким образом, по их мнению, свободного времени не становится больше; мыслители четвертой группы (Зубофф, Дин и др.) полагают, что формальное высвобождение рабочего времени не приведет к желаемому освобождению индивида, поскольку это время будет апроприировано капиталом, но не только цифровым трудом в смысле целерациональной деятельности по непосредственному производству продукта, но и цифровой занятостью, не являющейся подобного рода деятельностью, однако также ориентированной на заработок.

В данной статье мы сосредоточимся на развитии идей последней группы, поскольку мыслители сегодня подразумевают под понятием «цифровая занятость», означаящим активность пользователей в сети, цифровой досуг (Джеймисон, Кралечкин, 2019) или цифровой труд (Huws, 2014). Тем не менее в строгом смысле слова цифровая занятость

не является ни тем ни другим, что приводит к смысловой и контекстуальной путанице в разговоре о позднем цифровом капитализме. Таким образом, это понятие требует терминологического и содержательного уточнения и дополнительной характеристики. Мы постараемся показать, что цифровая занятость, представляющая собой оплачиваемую активность в сети (Дин, Савон, 2017; West, 2017; Zuboff, 2019), имеющая черты как досуга, так и работы, содержательно совпадающая с цифровым досугом, но при этом оплачиваемая, может быть определена как оплачиваемый досуг или наджинг-принудительный досуг по способу эксплуатации свободного времени индивидов капиталом. В качестве дополнительной характеристики такой деятельности мы попытаемся выявить причины и описать механизмы, которые определяют наполнение свободного времени индивида оплачиваемым досугом, и сопутствующие риски.

При проведении анализа мы опираемся на концепции зарубежных и отечественных исследователей, созданные в последние десять лет. Перспективы цифрового досуга рассматриваются автором в рамках концепции посттрудового общества (Срничек, Добрякова, 2019) в цифровых капитализмах, общим плацдармом капитала в которых являются технологии, цифровой труд (Nuws, 2014), цифровой досуг и свободное время (Dean, 2014; Срничек, Добрякова, 2019; Джеймисон, Кралечкин, 2019).

ПРОБЛЕМА СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ В ПОЗДНЕМ ЦИФРОВОМ КАПИТАЛИЗМЕ

Концепция посттрудового общества Срничека и Уильямса представляет собой, по сути, утопическую перспективу, призванную трансформировать общество, меняя соотношение труда и капитала. Мыслители предлагают программу из четырех основных пунктов: тотальной автоматизации труда, сокращения рабочего времени, введения безусловного базового дохода и отказа от этики труда (Срничек и Уильямс, Охотин, 2019). В реальных условиях функционирования государства и общества, а также с учетом ограниченных возможностей автоматизации (Ерофеева, Кловайт, 2019) в обществе должна остаться существенная доля необходимого труда, поддерживающая основные социально-экономические процессы, а также работа в сфере услуг и в цифровых компаниях. Как отмечают видные социальные теоретики, в будущем основную долю рынка будет представлять сеть цифровых компаний монополистов, использующих данные как основной источник сырья для извлечения прибыли (Зубофф, Дин, Срничек). Подобное развитие

событий предполагается в надзорном капитализме (Зубофф), коммуникативном капитализме (Дин), капитализме платформ (Срничек) и пр. В таком случае общество разделится на тех, кто вынужден трудиться, по сути находясь на службе у общества, и тех, кто останется без работы. Последние, помимо прочего, вероятно, столкнутся с вынужденной или выборочной депрофессионализацией (Джохадзе, 2004). Неравенство индивидов в доходах, количестве свободного времени и специфике образования должно создать новые факторы социального неравенства, серьезность и последствия которых требуют отдельного осмысления. Таким образом, вопрос о наполнении освобождающегося времени будет касаться преимущественно второй части общества. Причем в капитализме платформ вопрос ставится даже иначе: действительно ли будет больше свободного времени?

Капитализм платформ — позднее состояние цифрового капитализма, при котором большая часть компаний будет представлять собой цифровые монополистические платформы (Срничек, Добрякова, 2019). Они заинтересованы в увеличении активных пользователей и вовлекают их в коммуникацию (Дин, Савон, 2017). В экономике цифровых платформ основное сырье — это данные, представляющие так называемый «цифровой след» пользователей в сети (West, 2017; Zuboff, 2019). Учитывая прогнозы относительно сокращения труда и введения ББД, с одной стороны, компании-платформы обретут возможность получения дополнительной прибыли за государственный счет (Гринфилд, Кушнарера, 2018), а также выигрыш в экономии расходов на оплате труда (Горц, Сокольская, 2010: 101). С другой стороны, неопределенность в размере ББД, а также в его этических основаниях ставят под сомнение безусловность экономического роста. В последнем случае компании могут быть дополнительно заинтересованы в выплатах части дохода за активность в сети или выполнение ключевых действий с целью поддержания покупательской способности. В свою очередь, платформы получают возможность поиска оптимального соотношения оплаты активности и вовлеченности пользователей с целью максимизации прибыли. Одно из ограничений дохода компаний-платформ — совокупный объем свободного времени участников сети, которое становится источником и условием получения дохода. Социальное неравенство посттрудового общества предполагает, что одна его часть находится на службе (обязательной необходимой работе) и получает за это дополнительный доход, а другая его часть, преимущественно депрофессионализированная, имеет возможность не работать или не имеет возможности работать, но при этом

располагает большим количеством свободного времени. И хотя реализуется ББД, эта вторая часть общества может стремиться к получению дополнительного дохода. О феноменах трудоцентризма и увеличения рабочего времени, несмотря на развитие науки и техники, говорят многие мыслители современности (Сидорина и Заболотин, 2022; Вайсман, Эдельман, 2019: 56, 73 и др.). Есть ли основания полагать, что в пост-трудовом обществе при капитализме платформ в условиях неравенства в свободном времени, образовании, опыте и доходе ситуация изменится?

Вызывают интерес так называемые стратегии *опразднения времени* (Вахштайн, Маяцкий, 2019: 15):

Скажем, сегодня в Южной Испании одна из самых привлекательных для молодых людей профессия — мусорщик, потому что ваш рабочий день начинается в 5 утра и заканчивается в 9. И весь день свободен. Это стратегия асинхронии — смещение своих «темпоральных предписаний» относительно общих.

Этот факт вместе с прекаризацией труда (Стендинг, Усова, 2014) отражает запрос в обществе на сокращение рабочего времени с возможностью более полного удовлетворения потребностей и достижения определенного уровня комфорта в пределах получаемого дохода, иными словами, *на возможность самостоятельно регулировать распределение затрачиваемого на работу времени с учетом получаемого дохода*. Но в условиях позднего цифрового капитализма возможность такого регулирования не гарантирует отказа от трудоцентризма, а, напротив, отражает принцип занятости цифрового капитализма, ведь в будущем активность в сети может стать нормой или даже единственным источником заработка для существенной доли населения. Компании-платформы могут выступать в качестве источников как дополнительного, так и основного заработка (в случае если плата за активность будет рассмотрена как альтернатива ББД) для пользователей. В этой ситуации темпоральные характеристики перехода свободного времени в деньги могут сократиться: если сегодня между работой и оплатой в общем случае проходит существенное количество времени, то в будущем плата за активность может начисляться практически моментально. Это, в свою очередь, может усугубить ситуацию с ориентацией индивидов на заработок, ведь если «потрудиться» поинтенсивнее и подольше, то можно скорее обменять деньги на потребление. Отметим, что такие условия являются почвой для нового расцвета капитализма, ведь происходит

интенсификация не только работы, но и потребления — время, необходимое на удовлетворение потребностей, сокращается. Интересно, что такая формация капитализма очень напоминает японскую идеологию менеджмента «Just-In-Time», где ресурсы доставляются точно в срок для удовлетворения конкретных потребностей здесь и сейчас. Но о каком виде деятельности, направленной на заработок, идет речь, если объемы наемного труда стремительно сокращаются?

ОПЛАЧИВАЕМЫЙ ДОСУГ — НОВЫЙ ВИД ЗАНЯТОСТИ В СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

Действительно ли стоит надеяться на обещанное мыслителями свободное время в условиях сокращения наемного труда (Горц, Сидорина, Срничек, Уильямс и др.)? В посттрудовом обществе при капитализме платформ им на смену может прийти новый вид доступной каждому деятельности, способный быть средством получения дополнительного или основного дохода. Можем ли мы полагать, что общество будет довольствоваться малым, минимальным или даже достаточным, но ограниченным размером БВД в условиях, когда одна его часть получает дополнительный доход от наличия необходимой и полезной для всего общества работы и когда вместе с этим существует всем доступная «шахта» денег, где от человека требуется совсем немного — быть включенным в сеть и выполнять определенные действия: просматривать новости, ставить лайки, рекомендовать товар или услугу друзьям или просто вести переписку и т. д.? Феномены современного трудоцентризма (Сидорина и Ищенко, 2015), фетишизации досуга (Погребняк, 2019) как способа использования свободного времени и, в частности, цифрового досуга (Джеймисон, Кралечкин, 2019) наводят на неутешительные выводы. Некоторые мыслители уже высказывали предположения о том, что свободное время может стать новым ресурсом цифрового труда (Huws, 2014: 44). Однако важно подчеркнуть, что деятельность, рассматриваемая в контексте данной статьи, отличается от нематериального труда, предполагающего креативный подход, что можно уже сегодня охарактеризовать как явный цифровой труд, о котором писали Хьюз и др. Под цифровым трудом сегодня можно понимать, например, деятельность инфлюэнсеров (Григорян, 2017) (*influencer* — популярная в широком или узком кругу личность, к чьему мнению прислушиваются; чаще всего слово применяется по отношению к блогерам в цифровых сетях), направленную на создание контента. Для этой деятельности характерны такие факторы, как ее формальная доступность для каждого

уже сегодня, не предполагающая гарантированного заработка, и такие черты, как особый склад психики, креативный подход. Кроме того, для цифрового труда необходимы время, деньги и связи для обеспечения продвижения. Такой вид деятельности рассматривается в контексте посттрудового общества или коммуникативного капитализма скорее как результат личного выбора, призвание или часть цифрового досуга, подходящая и в каком-то смысле (например, психологическом) доступная не каждому. В свою очередь, деятельность, о которой говорим мы, доступна каждому и связана с понятием «цифровой след», означающим любое (или целевое) пользовательское событие в сети; и именно о его оплате идет речь. Кроме прочего, платить могут не сдельно, т. е. не за количество ключевых действий, а повременно — за активно проведенное время в сети. Такую деятельность можно было бы назвать невидимым трудом, подразумевая, что это некоторый алгоритмический автоматический процесс сбора, трансформации и записи данных (ETL — extract — transform — load), которые впоследствии будут коммерциализироваться, вероятно, также без непосредственного участия человека (Zuboff, 2019). Тем не менее если исходить из того, как такую деятельность воспринимает сам человек, то правильнее было бы называть ее оплачиваемым досугом. Например, он мог бы охарактеризовать ее примерно так: «Я провожу время в Интернете и играю в компьютерные игры, а мне за это платят». К такой деятельности можно отнести, например скроллинг (*scrolling* — пролистывание) новостных лент, серфинг (в цифровом контексте *surfing* — это просмотр сайтов), проведение времени в социальных сетях за общением, обменом фотографиями или сторис (*stories* — формат коротких видео, снятых пользователями о своей жизни или сотрудниками юридических лиц с целью информирования, рекламы и взаимобмена), компьютерные онлайн игры, просмотр контента с интегрированной рекламой и т. д. Описанная деятельность по большей части не требует профессиональных знаний, специальных умений, отличных интеллектуальных способностей и физических усилий. Так зарабатывать мог бы даже ребенок, «след» которого представлял бы коммерческий интерес для платформ. К тому же цифровой труд — целерациональная деятельность по производству продукта (дизайн макета, клипа, кода и т. д.), чего нельзя сказать о простой цифровой активности. У последней — всегда внешние цели, за которыми, в свою очередь, стоят личные мотивы — переписка в социальных сетях, обмен фотографиями, чтение новостей, постов и книг, поиск товара для покупки, и т. д., — производство «сырья» происходит незаметно для пользователя, индивид не

осознает и не держит в голове то, что он производит данные. Это еще одно отличие цифрового труда от деятельности, о которой мы ведем речь. Тем не менее может показаться, что за этим разведением чисто теоретически скрывается еще один возможный вариант, представляющийся антиутопическим, но вполне реальный уже сегодня, — осмысленное целенаправленное производство данных, например бездумное накручивание лайков, кликов, просмотров и т. д. Такая работа существует уже сегодня и относится к недобросовестным маркетинговым практикам популяризации какого-либо цифрового продукта, поэтому мы рассматриваем ее и ее модификации как явный цифровой труд. Таким образом, мы определили место простой цифровой активности среди других видов деятельности, отделив ее от понятия «цифровой труд».

В нашем случае цифровая активность содержательно неотличима от простого времяпрепровождения в сети, которое сегодня определяется как цифровой досуг (Джеймисон, Кралечкин, 2019) и детерминировано тем же самым способом, что и текущая современная работа, за исключением контрактов занятости, риска увольнения (кроме возможных случаев добавления участника в черный список по этическим и другим соображениям), формальных ограничений по графику работы (а в случае смешения рабочего и свободного времени, как, например, на работе по типу фриланса, отсутствует и это различие) и жестких требований к объему необходимой работы. В таких условиях компании-платформы будут конкурировать в борьбе за пользователей, предлагать различные новые функции и экономически подталкивать свободного индивида к трате времени в их пространстве. Вместе с этим социальный дисбаланс в занятости, доходе и уровне жизни между членами общества, связанный с гетерогенностью наличия нужной работы, также будет оказывать социально-психологическое давление на индивида, чтобы он проводил свободное время именно таким способом.

Тактика подталкивания — непрямого психологического давления, направленного на мотивирование и стимулирование деятельности по достижению определенной цели в современной экономике, — стала известна благодаря книге Ричарда Талера и Кассы Санстейна «Nudge. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье», выпущенной в 2008 году, и получила название «наджинг»¹.

¹Наджинг может иметь не только экономическую плоскость. Так, например, Вахштайн и Маяцкий отмечали поворот к наджингу, говоря о (социально-профессиональной. — Н. О.) принудительности досуга в наши дни (Вахштайн, Маяцкий, 2019).

Можно предположить, что именно экономический наджинг как принцип станет одним из основных в направлении детерминации наполнения свободного времени индивидов в культуре посттрудового общества при позднем цифровом капитализме. Вероятно, что в таких условиях подобный вид времяпрепровождения в сети может стать даже более популярным, чем сегодня, учитывая востребованность цифрового досуга как апроприатора свободного времени при отсутствии экономического стимула.

ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ ОПЛАЧИВАЕМОГО ДОСУГА

Взвешивая все за и против оплачиваемого досуга, следует учесть, что, хотя сегодня цифровой досуг и считается скорее временем прокрастинации и отдыха и рассматривается как антикапиталистический механизм, как деятельность ради времяпрепровождения, механизм профанации (Агамбен, Фарафонова, 2019; Погребняк, 2019), тем не менее он зачастую оказывается далеко не бесполезным. Чтение книг и новостей, просмотр фильмов и роликов, онлайн игры, переписка, покупки и т. д. подразумевают, помимо очевидного потребительского выражения, и коммуникацию, которая выступает средством формирования идентичности за счет подключения индивида к определенному виду символических кодов и их связи с ценностями сообщества (Shir-Wise, 2019). Другими словами, кроме непосредственной операции коммуникации, выбор конкретного вида цифрового досуга позволяет индивиду чувствовать себя частью определенного сообщества, например просмотр фильмов открывает дверь в сообщество киноманов, онлайн игры — в сообщество геймеров, покупки — в сообщество шоперов, и т. д., то есть люди объединяются по предпочтениям. Согласно Джоди Дин социальные сети и медиа-обменники способствуют коллективизации, а также позволяют пользователям проявить свою индивидуальность.

Тем не менее по мере популяризации площадки потребления или самовыражения становится понятно, что пользователи не слишком-то отличаются друг от друга, а в лидеры выбиваются немногие. В таком случае пользователи объединяются вокруг личности (инфлюэнсера), наиболее ярко выражающей их идентичность, образуют сообщества, чтобы разделять некоторые ценности и еще более популяризовать свой идеал. В свою очередь, это способствует перераспределению средств и усилению неравенства между безработными и занятыми цифровым трудом (деятельность инфлюэнсеров, как мы отмечали ранее, может считаться полноценным цифровым трудом):

Поколение массы, производя «единственного», способствует потере возможностей для дохода и заработка многих... [...] ...Еще больше из нас включается в соревнование и рассматривает вознаграждение как приз (Дин, Савон, 2017: 156).

Основной риск заключается в том, что экономическая подоплека в виде наджинг-принуждения может способствовать не только вытеснению остальных плодотворных видов деятельности (так, например, цифровое рисование, не говоря уже о реальной игре на фортепьяно, может не попадать в перечень активностей, за которые платят деньги), но и вымыванию внутренней ценности оплачиваемого досуга для индивида, превращая его в опустошенный, бессмысленный цифровой труд.

Замечания по поводу того, что труд — это смыслообразующая деятельность (Юнгер, Сидорина и др.), в совокупности с опасениями, изложенными выше, заставляют взглянуть на проблему деятельности по наполнению свободного времени иначе. Смыслообразующим, но без иной внутренней ценности и цели, кроме дополнительного или основного дохода, затмевающим бытие феноменом может стать новая занятость — оплачиваемый досуг. Деятельность, содержательно представляя собой досуг, рискует превратиться в своеобразную форму цифрового труда. Свободное время и, следовательно, возможные экзистенциальные вопросы, в которых, по мнению Джохадзе, и может содержаться импульс (Джохадзе, 2004), трансформирующий этику труда, культуру потребления и индивида, скрываются от человека за бездумным серфингом сайтов, скроллингом новостей и посещением социальных сетей, выступающих для платформ средствами рекламы и источниками дополнительного заработка. Свободное время, полностью освобожденное от наемной работы и других обременений, являющееся основанием для экзистенциального переосмысления своего бытия, для большей части общества вновь становится рабочим.

Возможность трансформации цифрового досуга в цифровой труд — один из немногих рисков, которые несет капитализм платформ, — но есть и другие. Во-первых, при капитализме платформ проблемой может стать доминирование азартных цифровых площадок как одного из видов платформ или части платформ — источника негарантированного заработка и вероятного обнищания. Ведь если компании-платформы станут апроприаторами свободного времени, возможны деморализация и обеднение общества за счет популяризации азартных цифровых сервисов в условиях отсутствия альтернативных источников дохода. Кроме

этого, такие цифровые продукты, как приложения для знакомств в совокупности с платой за активность, могут способствовать дальнейшему разрушению института брака и ослаблению межличностных отношений с новыми знакомыми, что вместе с введением ББД и т. д. усиливает отчуждение и изоляцию в обществе. Постоянный поиск новых знакомых становится в буквальном смысле выгоднее, чем крепкие связи.

Во-вторых, обязательная плата за активность пользователей в сети может рассматриваться как альтернативная мера борьбы с социально-экономической нестабильностью, проблемами бедняков и прекариата, что сделает индивида не только наджинг-, но и сущностно зависимым от сети, поскольку оплачиваемый досуг станет единственным способом выживания. В этом случае общество может заниматься еще более обесценивающей деятельностью, способствуя вырождению оплачиваемого досуга в цифровой труд, и стать более экономически несвободным, чем в настоящее время.

В-третьих, соотношение тарифа оплаты и цен на товары и услуги — это еще одна проблема, которая потребует отдельного решения, поскольку критический разрыв между ними спровоцирует становление очередной формации экономического рабства, на этот раз обусловленного не необходимостью выживания, а социальным неравенством в доходах между членами общества, несправедливым с позиций синтетической свободы, т. е. равенства с точки зрения формы и количества ресурсов для реализации своих амбиций, стремлений и удовлетворения потребностей различного уровня. Другими словами, пользователям придется тратить максимум свободного времени в сети для минимального заработка. Кроме этого, возможность контролирования цен на товары и услуги со стороны государства и бизнеса, а также возможность регулирования тарифа оплаты цифровой активности может вылиться, по сути, в вырождение цифрового капитализма и замкнуть его на самом себе, что будет способствовать отчуждению индивидов не только от деятельности, но и друг от друга. Установление высоких цен на товары и услуги с учетом минимального ББД и низких тарифных ставок за пользовательскую активность с применением силового аппарата для подавления возможных протестов может привести к цифровому тоталитаризму.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ОПЛАЧИВАЕМЫЙ ДОСУГ — НОВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАБСТВО

В посттрудовом обществе при цифровом капитализме оплачиваемый цифровой досуг, отличный от цифрового труда по своему содержа-

нию, становится предпочтительной стратегией проведения свободного времени для индивида. Тем самым цифровой досуг, или наджинг-принудительный досуг, рискует потерять свою внутреннюю ценность и значимость как форма отдыха, самореализации, идентификации, коммуникации и коллективизации, контекстуально и феноменологически превращаясь в цифровой труд. Особенности неравенства в посттрудовом обществе: выбор профессии и работы, стратегии проведения свободного времени, синергия трендов трудоцентризма и стратегий опрзднения времени, интенсификация потребления — все это способствует эффективности наджинг-принудительного досуга в новых экономических условиях и может конкурировать с моделью безусловного базового дохода как политики социальных выплат (Сидорина и Заболотин, 2022). При цифровом платформенном капитализме с платой за цифровую активность наряду с очевидными ограничениями свободы индивида возникают и другие социальные риски. К ним относятся популяризация недобросовестных компаний-платформ игровой индустрии, ослабление института брака и семьи, социальная изоляция, утрата синтетической и личной свободы, информационное и экономическое манипулирование индивидом со стороны капитала.

Таким образом, в статье показано, что в обществах позднего капитализма, в том числе и в посттрудовом обществе, навязывание оплачиваемого цифрового досуга, или наджинг-принудительный досуг, превращает свободное время в еще одну форму труда. В таких условиях индивид еще больше утрачивает свободу, вовлекаясь в новые формы зависимости, что предполагает очередную формацию трудового и экономического рабства.

ЛИТЕРАТУРА

- Агамбен Д. Бездеятельность экономики и экономика бездеятельности. Интервью с Джорджо Агамбенем / пер. Д. Фарафоновой // Логос. — 2019. — Т. 29, № 1. — С. 133—146.
- Вайсман Д. Времени в обрез : ускорение жизни при цифровом капитализме / под ред. С. Шукиной ; пер. с англ. Н. Эдельмана. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
- Важитайн В., Маяцкий М. Случайный труд — принудительный досуг. Дискуссия // Логос. — 2019. — Т. 29, № 1. — С. 1—26.
- Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / пер. с фр. М.М. Сокольской. — М. : ИД ВШЭ, 2010.

- Григорян М.* Кто такие инфлюенсеры и как они помогают компаниям зарабатывать / РБК. — 2017. — URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/61fcd0a9a7947477b15287d> (дата обр. 16 июля 2022).
- Гринфилд А.* Радикальные технологии : устройство повседневной жизни / пер. И. Кушнareвой. — М. : Дело, 2018.
- Джеймисон Ф.* Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма / под ред. А. Олейникова ; пер. с англ. Д. Кралечкина. — М. : Институт Гайдара, 2019.
- Джохадзе И.* Homo faber и будущее труда // Логос. — 2004. — Т. 45, № 6. — С. 3—17.
- Дин Д.* Коммуникативный капитализм : от несогласия к разделению / пер. с англ. Д. Савон // Communications. Media. Design. — 2017. — Т. 2, № 2. — С. 152—165.
- Ерофеева М. А., Кловайт Н.* Работа в эпоху разумных машин : зарождение невидимой автоматизации // Логос. — 2019. — Т. 29, № 1. — С. 53—84.
- Погребняк А.* Дефетишизировать свободное время : от акрасии—к профанации // Логос. — 2019. — Т. 29, № 1. — С. 159—188.
- Сидорина Т. Ю., Заболотин М. Э.* За пределами социального государства : от благосостояния к минимализму базового дохода // Вопросы философии. — 2022. — № 5. — С. 15—24.
- Сидорина Т. Ю., Ищенко Н. И.* Трудоцентризм как образ жизни : пределы трудовых возможностей человека // Terra Economicus. — 2015. — Т. 13, № 3. — С. 136—146.
- Срничек Н.* Капитализм платформ / пер. с англ. М. Добряковой. — М. : Издательский дом ВШЭ, 2019.
- Срничек Н., Уильямс А.* Изобретая будущее : посткапитализм и мир без труда / пер. с англ. Н. Охотина. — М. : Strelka Press, 2019.
- Стендинг Г.* Прекариат : новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усовой. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2014.
- Dean J.* Communicative Capitalism and Class Struggle // Spheres : Journal for Digital Cultures. — 2014. — Vol. 1, no. 1. — P. 1—16.
- Huws U.* Labor in the Digital Economy : The Cybertariat Comes of Age. — New York : Monthly Review Press, 2014.
- Shir-Wise M.* Time, Freedom and the Self : The Cultural Construction of “Free” Time. — London : Palgrave Macmillan, 2019.
- West S. M.* Data Capitalism : Redefining the Logics of Surveillance and Privacy / Business, Society. — 2017. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0007650317718185> (visited on Mar. 10, 2022).
- Zuboff S.* The Age of Surveillance Capitalism. — New York : Public Affairs, 2019.

Nesterov, O. G. 2023. "Problema svobodnogo vremeni v kapitalizme platform [The Problem of Free Time in Platform Capitalism]: novaya zanyatost' — oplachivayemyy dosug ili nuzhding-prinuditel'nyy dosug [The New Employment is Paid Leisure or 'Nudging-Compulsory Leisure]' [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 7 (1), 165–179.

OLEG NESTEROV

PHD STUDENT

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0003-0054-1010

THE PROBLEM OF FREE TIME IN PLATFORM CAPITALISM

THE NEW EMPLOYMENT IS PAID LEISURE OR "NUDGING-COMPULSORY" LEISURE

Submitted: July 19, 2022. Reviewed: Aug. 23, 2022. Accepted: Nov. 02, 2022.

Abstract: In the modern world, fundamental changes in the form and specifics of labor are taking place: automation, digitalization, precarization, the transition to remote forms of work, etc. Particular attention is drawn to the prospect of the so-called post-labor society, in which the labor participation of the individual will be significantly reduced. In the article, the author refers to the concepts of late digital capitalism, in which the main market share is occupied by digital platform companies that use the "digital activity" of users as a source of additional income, in order to analyze the social characteristics of "digital employment", which, on the one hand, is a pastime in the network, which today is called "digital leisure", and on the other hand, activities aimed at earning money, which creates terminological difficulties and semantic confusion in the discourse about the post-labor society. As a result of the analysis, the author defines such activities as "paid leisure" or "nudging-compulsory" leisure in the form of exploitation. The author shows that "paid leisure", acquiring economic grounds, can become the main activity that appropriates the free time of an individual. The article discusses the possible social risks of spreading the practice of "paid leisure". The author analyzes the possible reasons that may affect just such a preference of individuals in choosing activities to fill their free time, and finds them in the inherent socio-economic inequality of the "post-labor society", due to its functioning and organization, ideology and culture. As a result, the author comes to the conclusion that the imposition of paid digital leisure (nudging) will eventually lead to the fact that leisure itself, as a form of employment, will become a full-fledged digital labor. Under such conditions, a person is increasingly losing his freedom, becoming involved in new forms of dependence, which leads to the emergence of a new type of labor and economic slavery.

Keywords: Post-labor Society, Platform Capitalism, Digital Capitalism, Leisure Time, Digital Labor, Paid Leisure.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-1-165-179.

REFERENCES

- Agamben, G. 2019. "Bezdeyatelnost' ekonomiki i ekonomika bezdeyatelnosti. Interv'yu s Dzhordzho Agambenom [Inactivity of the Economy and the Economy of Inactivity. An Interview]" [in Russian], trans. by D. Farafonova. *Logos [Logos]* 29 (1): 133–146.
- Dean, J. 2014. "Communicative Capitalism and Class Struggle." *Spheres: Journal for Digital Cultures* 1 (1): 1–16.

- . 2017. “Kommunikativnyy kapitalizm [Communicative Capitalism]: ot nesoglasiya k razdeleniyu [From Dissent to Division]” [in Russian], trans. from the English by D. Savon. *Communications. Media. Design [Communications. Media. Design]* 2 (2): 152–165.
- Dzhokhadze, I. 2004. “Homo faber i budushcheye truda [Homo faber and the Future of Work]” [in Russian]. *Logos* 45 (6): 3–17.
- Gorz, A. 2010. *Nematerial'noye. Znaniye, stoimost' i kapital [L'immatériel]* [in Russian]. Trans. from the French by M. M. Sokol'skaya. Moskva [Moscow]: ID VSh.E.
- Greenfield, A. 2018. *Radikal'nyye tekhnologii [Radical Technologies]: ustroystvo pousevnednevnoy zhizni [The Design of Everyday Life, Russian Translation]* [in Russian]. Trans. by I. Kushnareva. Moskva [Moscow]: Delo.
- Grigoryan, M. 2017. “Kto takiye inflyuyensery i kak oni pomogayut kompaniyam zarabatyvat' [Who Are Influencers and How Do They Help Companies Earn]” [in Russian]. R.BK. Accessed July 16, 2022. <https://trends.rbc.ru/trends/social/61fcde0a9a7947477b15287d>.
- Huws, U. 2014. *Labor in the Digital Economy: The Cybertariat Comes of Age*. New York: Monthly Review Press.
- Jameson, F. 2019. *Postmodernizm ili kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma [Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism]* [in Russian]. Ed. by A. Oleynikov. Trans. from the English by D. Kralechkin. Moskva [Moscow]: Institut Gaydara.
- Pogrebnyak, A. 2019. “Defetishizirovat' svobodnoye vremya [To Defetize Free Time]: ot akra-sii — k profanatsii [From Aggression to Profanity]” [in Russian]. *Logos* 29 (1): 159–188.
- Shir-Wise, M. 2019. *Time, Freedom and the Self: The Cultural Construction of “Free” Time*. London: Palgrave Macmillan.
- Sidorina, T. Yu., and N. I. Ishchenko. 2015. “Trudotsentrizm kak obraz zhizni [Work-Centrism as a Way of Life]: predely trudovykh vozmozhnostey cheloveka [The Limits of Human Labor Opportunities]” [in Russian]. *Terra Economicus* 13 (3): 136–146.
- Sidorina, T. Yu., and M. E. Zabolotin. 2022. “Za predelami sotsial'nogo gosudarstva [Beyond the Welfare State]: ot blagosostoyaniya k minimalizmu bazovogo dokhoda [From Welfare to Basic Income Minimalism]” [in Russian]. *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, no. 5, 15–24.
- Srnicek, N. 2019. *Kapitalizm platform [Platform Capitalism]* [in Russian]. Trans. from the English by M. Dobryakova. Moskva [Moscow]: Izdatel'skiy dom VSh.E.
- Srnicek, N., and A. Williams. 2019. *Izobretaya budushcheye [Inventing the Future]: postkapitalizm i mir bez truda [Postcapitalism and a World Without Work]* [in Russian]. Trans. from the English by N. Okhotin. Moskva [Moscow]: Strelka Press.
- Standing, G. 2014. *Prekariat [The Precariat]: novyy opasnyy klass [The New Dangerous Class]* [in Russian]. Trans. from the English by N. Usova. Moskva [Moscow]: Ad Marginem Press.
- Vakhshtayn, V., and M. Mayatskiy. 2019. “Sluchaynyy trud — prinuditel'nyy dosug. Diskussiya [Casual Labor — Forced Leisure. Discussion]” [in Russian]. *Logos [Logos]* 29 (1): 1–26.
- Wajcman, J. 2019. *Vremeni v obrez [The Acceleration of Life in Digital Capitalism]: uskoreniye zhizni pri tsifrovom kapitalizme* [in Russian]. Ed. by S. Shchukina. Trans. from the English by N. Edel'man. Moskva [Moscow]: Izdatel'skiy dom “Delo” RANKhiGS.
- West, S. M. 2017. “Data Capitalism: Redefining the Logics of Surveillance and Privacy.” *Business and Society*. Accessed Mar. 10, 2022. <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0007650317718185>.
- Yerofeyeva, M. A., and N. Klovayt. 2019. “Rabota v epokhu razumnykh mashin [Work in the Age of Intelligent Machines]: zarozhdeniye nevidimoy avtomatizatsii [The Rise of Invisible Automation]” [in Russian]. *Logos* 29 (1): 53–84.
- Zuboff, S. 2019. *The Age of Surveillance Capitalism*. New York: Public Affairs.